

Роберт Э. Парк

Характеристики секты¹

Пятьдесят шесть лет тому назад Чарльз Нордхоф – моряк, газетный репортер и автор журнальных статей – написал книгу под названием «Коммунистские общества Соединенных Штатов». Томик, собравший наблюдения автора за обществами, которые он посетил, написан без малейшего предубеждения или доктринерства по отношению к людям или институциям; напротив, – здесь явственно проступает бескорыстное и всепоглощающее любопытство человека, который наблюдает мир и интересуется одиозными и любопытными проявлениями человеческой природы и коллективной жизни.

В начале XIX в. Америка все еще казалась самой себе прибежищем для всех преследуемых и притесняемых в Европе (этим Соединенные Штаты чем-то напоминали Россию в недавнем прошлом), раем для одиозных сект – как религиозных, так и политических. Во времена Нордхофа большинство этих сект миновали первый период экзальтации и достигли того момента, когда уже были готовы к борьбе с прозаическими реалиями свободного светского общества. Но то ли эксперименты оказались неудачными, то ли секты утратили чувство великого предприятия, которое начинали. Видимо, Нордхоф счел ситуацию подходящей для оценки достижений этих утопий и для того, чтобы узнать у самих людей, насколько оправдались их надежды и предчувствия.

Большинство, если не все, увиденные Нордхофом сообщества, были по своему характеру сектантскими, хотя и не все они являются так называемыми «религиозными» сектами. Во всяком случае, все они были основаны согласно порядку, когда поддерживающее их общество, видимо, обладало необходимой степенью безопасности и изоляции, чтобы позволить им установить и сохранять тот «образ жизни» (если пользоваться языком религиозного дискурса), который в большей мере соответствовал их убеждениям относительно того, какой должна быть жизнь, нежели тот, которого они могли вести в окружающем их конкурентном, беспощадном и индивидуалистическом обществе.

Всякий, кто прочитал книгу Нордхофа и заинтересовался его наблюдениями, найдет весьма поучительным проведенное Др. Янг подробное систематизированное исследование одной секты. «Скитальцы русского квартала» – это своего рода продолжение «Коммунистских обществ Соединенных Штатов».

Молокане², конечно же, – не совсем коммунистское сообщество, во всяком случае, они вряд ли согласились бы с таким утверждением. С другой стороны, они – и не конкурентное сообщество, поскольку жизнь в сообществе устроена по семейному образцу, где все его члены считают друг друга своими братьями и сестрами. Главное, однако, что у

¹ Characteristics of the Sect //Introduction to «The Pilgrims of Russian-Town» by Pauline V. Young. Chicago: University of Chicago Press, 1932, pp. xi-xx. Предисловие, написанное Р. Парком к книге Полин Янг «Скитальцы русского квартала» Pauline V. Young «The Pilgrims of Russian-Town».

© Баньковская С., 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

² Молокане – представители одной из разновидностей духовного христианства. Название связывают с текстом Священного Писания: «...как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко» (1Пет.2.2) – Слово Божие. Порядок молитвенных собраний и повседневная жизнь молокан подчинены поиску сокровенного, иносказательного духовного смысла Священного Писания, стремлению жить «не по плоти, но по духу». Эта секта, получившая распространение в конце XVIII – XIX вв. в Центральной России, Западной Сибири, Закавказье, неоднородна по вероучению и ритуальной практике. Молокане не признают церковную иерархию; считают священнодействия «духовными обрядами», не соотнося их с плотью; не признают рукотворных священных символов, храмов, икон и т.д., не поклоняются и не молятся святым, но только Богу; молитвенные собрания молокан сходны с протестантскими (евангельскими). В 1921 г. молокане создали Союз Духовных Христиан, который просуществовал до середины 30-х гг. Его представители стали объектом исследования Полин Янг (*прим. перев.*).

молокан есть «образ жизни», более того, они убеждены, что это «наилучший образ жизни», по сравнению с тем, как живут люди вокруг них. Этот образ жизни предписывает каждому члену сообщества, как следует и как не следует поступать в личных и интимных делах, причем эти предписания неизменны и непререкаемы. Они не могут быть предметом обсуждения ни по чьей-то личной инициативе, ни в ходе какого бы то ни было референдума.

Идеал такого общества – единодушие во всем. Именно это и заложено в природе всех сект – религиозных и политических. Именно это отличает их от других форм и типов коллективной жизни.

В книге речь идет в основном о молоканах, а не о том типе, интереснейшим представителем которого они являются. По существу, это – история единичного случая (case history) и в то же время описание превратностей судьбы первобытной религиозной секты, «пересаженной» из изолированного деревенского сообщества в русском Закавказье в бурлящую суету одного из наиболее динамичных городов Америки.

В связи с этим вполне уместно сказать несколько слов о характере сект, насколько он вообще нам известен. По сути дела, относительно характеристик сект известно очень мало. Вряд ли до тех пор, пока Зигеле не опубликовал свою книжку по этому вопросу, сектам приписывались какие-либо свойства общего и типического характера, хотя Лебон классифицировал их в своем эпохальном труде «Толпа» как тип гомогенной толпы.

Зигеле, судя по его трактовке предмета, интересуется политическими, а не религиозными сектами и специально не рассматривает различия между ними. Возможно, он не считал эти различия принципиально важными и основательными. Секта, по его словам, – это группа «индивидов, различающихся по рождению, образованию, профессии, социальному статусу, но объединенных и действительно добровольно скрепленных воедино невероятно сильной связью – общей верой и идеалом».

В этом определении выделяются две характерные особенности секты: 1) гетерогенность составляющих ее элементов и 2) солидарность этих различающихся элементов, сплачивающая их воедино, поскольку они воодушевлены общей верой и общим идеалом. Зигеле все еще представляет себе секту как своего рода толпу, но «толпу, выделенную и закрепленную. Толпа – это секта в переходном состоянии, когда ее члены еще не избраны. Секта – это хронический вид толпы, а толпа – это обострение секты. Толпа состоит из множества песчинок без всякой последовательности; секта же – это кусок мрамора, отражающий любой удар»³.

Именно спонтанный и неформальный характер секты (по крайней мере, в начале ее становления), по всей видимости, и заставляет тех, кто занимается коллективной психологией, отождествлять секту с толпой. Толпа рассматривается как самая элементарная форма, в которой имеет место коллективное действие. Институты берут свое начало в движениях толпы, что не всегда признается.

«Любая вера, будь то ислам, буддизм, христианство, патриотизм, социализм, анархия, не может не пройти через сектантскую фазу. Это первый шаг, точка отсчета, где группа людей, выходя из затененной области анонимной и подвижной толпы, возвышает себя до определенности и целостности, которая затем может привести к высшему и наиболее совершенному типу группы людей – к нации»⁴.

Институты набирают силу, как заметил Хьюз, потому что социальные движения никогда полностью не выполняют того, что берутся сделать. Всегда остается «незаконченное дело» – нечто, что еще предстоит завершить и что поручается некоему комитету или секретариату и, тем самым, – штату постоянных функционеров. Это один из способов институционализации, протекающей в секуляризованном обществе⁵.

³ Перевод с немецкого из: S. Sighele «Psychologie des sects» P. 42-51. Цит по: R.E. Park and E.W. Burgess «Introduction to the Science of Sociology», p. 24.

⁴ Sighele, Ibid.

⁵ Hughes Everett Cherrington «The Growth of an Institution: The Chicago Real Estate Board». The University of Chicago Press, 1931.

Лебон говорит, что все массовые движения носят религиозный характер. Это могло бы означать, что все институты, вырастающие из массовых движений, имеют религиозное происхождение. Определение Лебоном религии и природы религиозного чувства требует разъяснения. Оно довольно интересно и многообещающе. Итак:

«Человек религиозен не только тогда, когда поклоняется божеству, но и тогда, когда он всю свою мудрость, все усилия воли и все душевные устремления фанатика направляет к одной первопричине или к индивиду, который становится целью и управителем всех его мыслей и действий»⁶.

Учитывая рвение, с каким индивиды всей душой посвящают себя исповедуемой ими политической вере, и принимая в расчет фанатизм, с которым они порой отдаются вполне мирскому делу, разница между членами религиозных и политических сект практически не ощущается.

Во всяком случае, она не столь основательна, как может показаться. Существенное различие между политическими и религиозными сектами состоит в том, что последние, живописуя свою программу как «образ жизни», почти всегда проецируют свою жизненную политику и осуществление своих утопий за пределы человеческого опыта и контроля. Жизнь на этом свете становится лишь приготовлением к грядущей жизни. А политические секты, напротив, – решительно уверяют в том, что рай на земле, в который они зовут, может быть достигнут в настоящем, в этой жизни, и, насколько это возможно, здесь и сейчас. Это различие имеет далеко идущие последствия. Политические секты, такие, как анархисты, социалисты, коммунисты и т.д., имеют программу действий – радикальных действий. Религиозные же группы – квакеры, шейкеры, холироллеры и др. – почти так же радикальны, но что касается политического действия, то здесь они пассивны и держатся отстраненно.

Для религиозных обществ, с которыми мы лучше всего знакомы, характерно то, что они, подобно Маргарет Фуллер, «приемлют мироздание». Они принимают мироустройство и не предпринимают попыток изменить существующие политические и социальные условия. Однако они глубоко проникнуты ответственностью за самих себя. Тщательно соблюдая все до мелочей, они приспособляются к сектантским табу и хранят сектантский ритуал. Короче говоря, их гораздо больше занимает состояние души, нежели политика. Политические же секты, напротив, – не склонны принимать ничего и готовы взять на себя (в мире, где нет ничего невозможного) ответственность за всех нас и за все.

Различия между сектами заложены в самом начале – в типах толпы, из которых они ведут свое происхождение. Политическая толпа – это толпа в действии. Она может быть просто сборищем. Она может принять форму забастовки. Зачастую (в определенное время и в определенном месте) она является выражением того, что Бэнкрофт называет «народным правосудием». Сюда можно отнести и закон Линча, и такие общие формы правосудия, какие применялись виджилантами⁷ на западном побережье.

Политическая толпа – это экстравертная группа. Религиозная толпа (в тех разновидностях, которые представлены в нашем религиозном возрождении) – это экспрессивная, порой оргиастическая толпа. Но более всего, это интравертная, повернутая внутрь себя, поглощенная своими мистическими видениями и образующая, наконец, то, что может быть описано как интравертное общество, – религиозная секта.

Религиозная секта не только не действует наподобие политической секты, она предрасположена к уходу от этого мира с тем, чтобы сохранить свою веру для грядущего мира. Все ее силы находят свое выражение в ритуале, в священных плясках (как в случае с шейкерами и ранними христианами). Посредством таких упражнений и экстатических состояний секта достигает некоего состояния, подобного коллективному трансу, в котором каждый индивид обретает чувство личного совершенства, мистической солидарности и общности с каждым другим индивидом в группе. Именно таким образом вера постоянно обновляется, а единство организации и ее наследие сохраняются.

⁶ Лебон. «Толпа». С. 82.

⁷ Виджиланты – члены так называемого «комитета бдительности», линчеватели.

Религиозные и политические секты, по крайней мере на ранних ступенях своей эволюции, имеют один общий признак – определенную бескомпромиссность и, как я уже сказал, радикализм. И те, и другие по своему происхождению – конфликтные группы, и в обоих случаях конфликт имеет тенденцию принимать глубинный, революционный характер.

Любая революция, как и преобразование в целом (фактически представляющее собой нечто большее, нежели просто реформу существующих несправедливостей), берет свое начало в секте, обычно – политической секте. В сектантской жизни новые идеи и идеалы принимают форму и находят свое выражение, становясь будоражащим ее ферментом. Секта радикальна уже постольку, поскольку стремится сформулировать не просто новую политическую программу, но новую политику всей жизни; именно в свете этой новой политики жизни и рассматривается любой другой более преходящий интерес.

Политические партии по своему характеру склонны к компромиссу и приспособлению, но секта – непримирима и несгибаема. Политические партии формулируют политику и стремятся быть последовательными в своих действиях, приспособлявая их к учениям своих партий. При этом политические учения и их практические следствия по меньшей мере могут обсуждаться. Совсем не так обстоит дело с сектой. Правила поведения в ней абсолютны. Политическое общество, где признается только одна партия и где правит одна партия, неизбежно – в перспективе развития – принимает форму теократии, когда правящая партия – это не что иное, как правящая секта.

В подобном контексте и с подобной точки зрения, как она здесь изложена, и следует рассматривать случай с молоканами, если мы хотим, чтобы он помог нам понять секты вообще и отдельный тип секты, специфическим примером которого выступают молокане.

Всякая попытка взглянуть на религиозную секту (или какую-нибудь другую форму коллективного поведения) с точки зрения формальной, объективной и сравнивающей, как я предложил здесь сделать, неизбежно упускает из виду напряженную, живую и подчас беспокойную субъективную жизнь секты – внутренние напряжения, конфликты, противостояния и сублимации, свойственные секте в ее усилиях сохранять целостность своей коллективной жизни и действовать согласно предписаниям самоограничивающей дисциплины.

Вполне вероятно, что, если можно было бы на первых порах копнуть поглубже в воспоминания и опыт отдельных сектантов, то мы обнаружили бы в этих историях инциденты и акциденты, которые многое объяснили бы в ритуале, верованиях, в сектантском поведении вообще, что теперь кажется совершенно непостижимым. Многое в поведении индивидов и сообществ, поражающее нас своей эксцентричностью, несомненно обусловлено в большей степени субъективно, нежели объективно. Табу, ритуалы, символы веры появлялись в разные времена в результате стремления обществ действовать, более того – действовать последовательно, согласно, так сказать, программе, правилам поведения, моральному кодексу. Многие из этих установлений, правил, обычаев и церемоний, ставших уже традицией, можно было бы объяснить (если бы мы знали их изначальную историю) как выражение или орган некоей нормальной или извращенной социальной функции.

Как бы то ни было, попытка действовать последовательно, в согласии с программой предполагает и необходимость поддерживать напряжение на высоком уровне на протяжении длительного времени. Необходимость релаксации после такого периода напряжения и нового единения и сплочения после периода релаксации объясняет наличие многих наших памятных дат и праздников. Есть дни, когда мы отступаем, чтобы собраться, переосмыслить свои жизненные цели и изменить свои жизненные планы. Есть и другие дни, когда мы расслабляемся и позволяем себе разного рода безумства и экстравагантные вещи. Почти все исторически известные общества имели периоды возрождения и обновления веры, равно как и периоды вседозволенности и разнузданности. Скорее всего, сказанное справедливо для религиозных сект так же, как и для других обществ.

Спецификой интравертных обществ, которые мы называем сектами, является, видимо, то, что на индивидуальном или на коллективном уровне в определенный период своей

истории их попытки действовать были заблокированы. Можно даже сказать, что они пережили своего рода психическую травму, от последствий которой так и не оправились.

В обществе запреты принимают форму социально санкционированных табу. Лишь намек на обязательность и принудительность в секте (или в другой форме общества) может принять форму ритуала. Символы веры зачастую берут начало в конфликтах одних религиозных обществ с другими и зачастую являются рационализацией обычаев и обрядов, исторически происходящих из условий, ссылок на которые в сформулированных религиозных убеждениях нет.

Автор этой книги⁸ отнюдь не стремится сделать нечто вроде фрейдистской интерпретации обычаев секты молокан. Такая интерпретация и не ставится в качестве цели данной работы. Всякому исследователю человеческой природы, а в особенности исследователю религиозных сект, история «Скитальцев русского квартала» предлагает если и не психоаналитический анализ, то, по крайней мере, сочувственное описание обычаев, установок и в целом *внутренней жизни* секты в критический период ее истории.

Эта работа – результат пятилетнего кропотливого исследования – стала возможной не только потому, что автору посчастливилось хорошо овладеть русским языком, бегло читать и разговаривать по-русски, но и благодаря ее способности проникнуть в святая святых молоканства. Это позволило ей выполнить как для русских сектантов, так и для американской публики задачу, с которой ни те, ни другие не справились бы сами. Молокане, благодаря интерпретациям Янг их опыта, получили возможность сформировать более адекватное представление о самих себе и своих специфических проблемах в Америке, нежели то, какое у них было до сих пор. Исследование помогло лучше ориентироваться этой колонии в своем социальном окружении. В то же время оно способствовало лучшему пониманию этого интересного народа их соседями, делая взаимоотношения с ними в будущем менее трудными и более плодотворными, чем было в прошлом.

*Перевод с английского
кандидата философских наук
С.П. Баньковской*

⁸ Полин Янг – прим. перев.